
S 8
608


2007081071

Б/113 НО
S 8/608
9/14
35719
Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина
Ф 5574-34

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ БѢЛОМОРСКОМЪ КРАѢ.

Въ началѣ XV вѣка подвизался въ монастырѣ Кирилла Бѣлозерскаго инокъ Савватій. Суровые подвиги его привлекли къ нему вниманіе и удивленіе игумена и братіи. Боязнь людской славы встревожила подвижника, искавшаго уединенія и безмолвія, и онъ сталъ прислушиваться къ разсказамъ пришельцевъ о далекомъ, пустынномъ островѣ на озерѣ Нево, объ обители на этомъ островѣ, въ которой иноки, „въ неослабномъ житіи,“ трудятся своими руками и этимъ трудомъ добываютъ себѣ необходимую пищу. Людна и шумна показалась Савватію Бѣлозерская пустыня, и онъ ушелъ на Валаамскій островъ. Но людская слава и тамъ неразлучно сопутствовала его подвигамъ и не давала ему покоя въ новой пустынѣ, а между тѣмъ до него сталъ доходить разсказъ про другой островъ, еще болѣе чудный и пустынный, на морѣ-окіянѣ, искони не имѣвшій не только мірскаго, но и иноческаго жилья. Съ силами, испытанными и укрѣпленными многолѣтнимъ подвигомъ въ двухъ обителяхъ, оставилъ онъ Валаамъ и направился къ студеному морю. Прибрежные русскіе поселенцы встрѣтили изумленіемъ и насмѣшками предпріятіе старца, „во всякой убожественной нищетѣ“ задумавшаго поселиться на далекомъ безлюдномъ островѣ; но это не смутило его. На пустынной рѣкѣ Выгу, у часовни, онъ нашелъ подобнаго себѣ подвижника пустыни, инока Германа. Перебравшись на Соловецкій островъ, они поселились тамъ, выстроивъ себѣ кельи. 6 лѣтъ прожили они одни на остро-

вѣ. Недостатокъ пищи заставилъ Германа отправиться на поморскій берегъ; вслѣдъ за нимъ и Савватій покинулъ островъ и скоро скончался у прежней часовни на Выгу. Память современниковъ не сохранила извѣстія ни о мѣстѣ рожденія и родителяхъ, ни даже о времени постриженія Савватія, и въ самомъ началѣ XVI вѣка жизнеописатель его ничего не могъ узнать объ этомъ отъ людей, между которыми хранились еще свѣжія преданія о первыхъ обитателяхъ Соловецкаго острова. Но пустынные труды Савватія и кельи, поставленныя имъ вмѣстѣ съ Германомъ на Соловецкомъ островѣ, не остались забытыми. Чрезъ годъ послѣ его смерти пришелъ въ Поморье другой искатель пустыни, Зосима, гонимый мірскимъ шумомъ; на рѣкѣ Сумѣ нашелъ онъ того же старца Германа и выслушавъ повѣсть о Савватіи, мужественно пошелъ по проложенному имъ трудному пути.

Монастырь основался. Вмѣстѣ съ нимъ возникъ центръ и двигатель разнообразной дѣятельности въ окружающемъ его Бѣломорскомъ краѣ.

Еще на Валаамѣ Савватію разсказывали, что на Соловецкомъ островѣ, удаленномъ на два дня пути отъ земли, отъ жилыхъ мѣстъ, много озеръ, богатыхъ рыбой, вокругъ этого острова много рыбныхъ ловищъ, которыя, по временамъ, случайно посѣщали одинокіе рыболовы; что этотъ островъ богатъ лѣсами, вершины горъ и долины покрыты высокими соснами, годными для построекъ, и другими деревьями, что въ этихъ лѣсахъ въ изобиліи растутъ различныя ягоды. Разскащики заключали, что островъ „добръ и благодаренъ къ сожитію человѣчества по всему“ *). Картина такого острова могла плѣнить подвижника пустыни и безмолвія; но другіе разсказы услышалъ онъ отъ поселенцевъ, жившихъ по берегу моря „прямо противъ остро-

*) Житіе Зосимы и Савватія, рукопись Синод. библіотеки, № 91. Главнымъ матеріаломъ настоящаго очерка, кромѣ этого житія, служилъ рукописный сборникъ Соловецкихъ грамотъ который находится въ Соловецкой библіотекѣ, принадлежащей теперь Казанской духовной академіи, №№ 18, 19 и 20.

ва.“ Ему сказали здѣсь, что тотъ островъ великъ и имѣетъ „всякаго устрою человѣческаго житія,“ но много лѣтъ многіе пытались не разъ поселиться тамъ и не могли прожить долго „страха ради морскія нужа.“ Уже по основаніи монастыря, когда братія просила игумена у Новгородскаго архіепископа, послѣдній въ недоумѣніи говорилъ: „Вашъ монастырь стоитъ такъ далеко отъ людей; кто пойдетъ туда, и какъ церкви тамъ быть, въ сосѣдствѣ съ землею Мурманской и Каянской?“

Въ такой суровой глуши, гдѣ не живало человѣка, „отнелѣже и солнце въ небеси,“ по выраженію житія, возникла обитель и благодаря нравственнымъ силамъ своихъ основателей, побѣдила трудности, пугавшія Новгородскаго архіепископа и прибрежныхъ русскихъ поселенцевъ. Но возникши вдали отъ людей, она завязывала все болѣе и болѣе тѣсныя связи съ прибрежьемъ, обитатели котораго такъ непривѣтливо встрѣтили начинаніе ея основателей. Завоевавъ у природы брошенный людьми островъ, монастырь показалъ примѣръ и много помогъ въ дѣлѣ подобнаго же завоеванія пустынной страны русскому человѣку, пришедшему на корельское и лопское поморье.

Во время основанія монастыря многія изъ тѣхъ чертъ, которыми описывали Савватію Соловецкій островъ, были уже неприложимы къ поморскому берегу, огибающему островъ съ сѣвера, запада и юга. Смѣлыя дружины новгородскихъ купцовъ и промышленниковъ давно знакомы были съ отдаленными сѣверными краями Заволоцкой Чуди и Корелы. Въ житіи Зосимы и Савватія, еще до основанія и по основаніи монастыря, мы не разъ встрѣчаемъ Новгородскихъ гостей, которые плавали по Бѣлому морю, добывая рыбу и морскаго звѣря, или скупая этотъ товаръ у прибрежныхъ жителей. Но за этими временными посѣтителями Бѣломорскаго края, въ населеніи его ясно обозначаются, въ эпоху основанія моря, болѣе прочные и постоянные элементы. Изъ этихъ элементовъ на первомъ планѣ стоитъ туземный, который составляли давніе обители нынѣшняго Поморскаго, Корельскаго и Терскаго прибрежья—Корелы.

Въ житіи Соловецкихъ чудотворцевъ и въ новгородскихъ грамотахъ XV вѣка они обозначаются именемъ *Корельскихъ людей, Корельскихъ дѣтей.* Новгородцы XV вѣка различали въ этомъ финскомъ поморскомъ населеніи *пять родовъ Корельскихъ дѣтей*, въ сосѣдствѣ съ которыми далѣе къ сѣверу и въ глубь страны обитала *Лопь.* Эти Корельскія дѣти жили разбросанно на всемъ протяженіи Бѣломорскаго прибрежья отъ рѣки Варзуги до рѣки Сумы и далѣе къ востоку и считались собственниками, вотчинниками занятыхъ ими здѣсь земель; встрѣчаемъ въ грамотахъ XV вѣка указанія на земли, „куда ходятъ корельскія дѣти" или „куда владѣютъ вотчиники корельскія дѣти." Они считали даже себя ближайшими собственниками еще незанятыхъ земель, какихъ въ XV вѣкѣ много было въ Бѣломорскомъ краѣ. Когда Савватій поселился съ Германомъ на Соловецкомъ островѣ, Корелы ближайшаго къ острову прибрежья присвояли себѣ преимущество предъ пришлыми иноками въ правѣ на владѣніе этимъ островомъ. Но рядомъ съ этими туземными элементами поморскаго населенія, во время основанія монастыря выступаетъ другой элементъ, пришлый, обозначаемый именемъ *людей насельниковъ*, которые жили между родами Корельскихъ людей такъ же разсѣянно, какъ и послѣдніе. Основаніе обители застало край въ тотъ любопытный моментъ, когда его финское разбросанное населеніе начинало болѣе и болѣе перемѣшиваться съ пришлымъ русскимъ населеніемъ, легко уступая ему мѣсто среди своихъ рѣдкихъ жилищъ, на обширныхъ пустошахъ, остававшихся еще незанятыми. Задолго до основанія монастыря началось это движеніе; по прибрежью, преимущественно въ низовьяхъ многисленныхъ порожистыхъ рѣкъ, пересѣкающихъ западный берегъ Бѣлаго моря, возникали одинъ за другимъ поселки новгородскихъ промышленниковъ, привлеченныхъ сюда прибыльными рѣчными и морскими промыслами. Между Соловецкими грамотами XV вѣка мы имѣемъ нѣсколько грамотъ новгородцевъ на владѣніе пріобрѣтенными ими въ Бѣломорскомъ краѣ землями; эти грамоты, переданныя потомъ въ распоряженіе монастыря вмѣстѣ съ землями, бросаютъ

нѣкоторый свѣтъ на то, какой степени развитія достигла новгородская колонизація въ томъ краѣ къ половинѣ XV вѣка, къ первымъ годамъ существованія монастыря, кто были главные двигатели ея и каковъ былъ составъ русскаго населенія, занимавшаго край. Главными пріобрѣтателями земель въ Поморьѣ видимъ именитыхъ новгородскихъ людей. Встрѣчаемъ указаніе на четыре сельца на Бобровой горѣ, принадлежавшія новгородскому архіепископу. Занимаютъ земли и покупаютъ прежде занятыя другими посадники, бояре и другіе богатые люди Новгорода. Около половины XV вѣка многіе имѣли тамъ *отчины*; у нѣкоторыхъ были уже *отчины и дѣдины*. Къ числу самыхъ значительныхъ землевладѣльцевъ Поморья въ послѣдніе годы новгородской вольности принадлежали Борецкіе: знаменитой Марѳѣ Посадницѣ только по рѣкамъ Сумѣ и Выгу принадлежало 19 деревень, которыя въ писцовыхъ книгахъ 1496 г. обозначаются еще именемъ Марфинскихъ Исаковыхъ. Всѣ эти богатые новгородскіе люди высылали въ Поморье, на занимаемыя ими земли, своихъ рабовъ или вольныхъ поселенцевъ рабочихъ, бобылей, козаковъ: это были первые, по крайней мѣрѣ наиболѣе значительные по количеству новгородскіе колонисты Бѣломорскаго края. Боярскіе рабы и насельники, при жизни основателей Соловецкаго монастыря, постоянно указываются въ житіи рядомъ съ туземцами, Корелами и Лопью, какъ второй элементъ поморскаго населенія. Боярскіе рабы пріѣзжали къ острову на рыбныя ловли; они же вмѣстѣ съ Корельскими людьми старались выжить съ острова поселившихся на немъ иноковъ, говоря имъ: „островъ по отечеству наслѣдіе нашихъ бояръ.“ Наконецъ, кромѣ боярскихъ рабовъ и вольныхъ поселенцевъ, селившихся на чужихъ земляхъ, сквозь неясныя выраженія новгородскихъ грамотъ XV вѣка можно разсмотрѣть и третій разрядъ людей въ составѣ русскаго населенія Бѣломорскаго края: это поселенцы собственники, на себя пріобрѣтавшіе земли въ Поморьѣ и селившіеся на нихъ. Такъ вотчинникъ Маркъ изъ Варзуги далъ монастырю вотчину на рѣкахъ Умбѣ и Варзугѣ, по морскому

берегу. Иные компаніями, вдвоемъ, втроемъ покупали въ Поморьѣ землю и селились на ней. *)

Земельныя новгородскія владѣнія XV вѣка въ Бѣломорскомъ краѣ, какъ они описываются въ указанныхъ выше грамотахъ, носятъ на себѣ одну любопытную характеристическую черту, живо объясняющую порядокъ и способъ заселенія новгородцами того края. Большая часть новгородскихъ вотчинъ въ Поморьѣ, даже у мелкихъ собственниковъ, не представляла сколько-нибудь округленныхъ земельныхъ владѣній, сосредоточенныхъ въ одной мѣстности, а состояла изъ многихъ раздробленныхъ, мелкихъ участковъ, разсѣянныхъ по прибрежнымъ островамъ, по морскому берегу и *по рѣкамъ морскимъ*, какъ выражаются грамоты, часто на огромномъ разстояніи другъ отъ друга. У одного владѣльца напримѣръ вотчина состояла изъ участковъ у „Золотца (порога на рѣкѣ Выгу), и въ Шуѣ рѣкѣ, и въ Кеми рѣкѣ, и въ Корелѣ между 5-ю родовъ и по *всѣмъ рѣкамъ морскимъ*"; другіе владѣльцы, три брата, купили два участка, которые были разсѣяны на Поморьѣ по морскимъ рѣкамъ и по лѣшимъ озерамъ, по Кеми, между Корелою, *куда всѣ пять родовъ владѣютъ*; а между тѣмъ за эти участки, такъ неопредѣленно обозначаемые, покупщики заплатили *8 сороковъ бѣлки да рубль серебра* — цѣна не очень крупнаго владѣнія сравнительно съ цѣнами другихъ владѣній, встрѣчаемыми въ тѣхъ же грамотахъ. Еще болѣе разбросаны были крупныя владѣнія: встрѣчаемъ отчину и дѣдину, купленную новгородскимъ посадникомъ за *полчетверта рубля*, которая состояла изъ участковъ „на морѣ на Выгу, и въ Шуѣ рѣкѣ, и въ Кеми рѣкѣ, и на Кильбостровѣ, и по морскому берегу, и по обѣимъ сторонамъ Понгамы рѣки, и по лѣшимъ озерамъ," т. е. тянулась отдѣльными участками на длинномъ пространствѣ нынѣшняго Поморскаго берега и далеко уходила въ Корельскій берегъ. Новгородскій промышленникъ занималъ самъ или своими рабами и вольными крестьянами участокъ у моря на прибрежномъ островѣ, на приморской рѣкѣ или озерѣ и строилъ

*) Сборникъ Соловецкихъ грамотъ, № 18, грам. № 5.

здѣсь дворъ; при дальнѣйшемъ движеніи онъ переходилъ на другое прибрежное мѣсто, на другую приморскую рѣку, занималъ тамъ другой такой же участокъ, не обращая никакого вниманія на промежуточныя пространства, вдали отъ моря, между впадающими въ него рѣками; ибо они не представляли ему прибыльныхъ промысловъ и угодій. Границы занимаемыхъ такимъ образомъ земель не вездѣ обозначались, ибо не вездѣ встрѣчались съ границами земель другихъ владѣльцевъ. Такой порядокъ занятія земель, такая разбросанность поселеній условливались главнымъ образомъ свойствами Поморскаго края. Глухое, суровое Поморье манило къ себѣ русскаго поселенца преимущественно своими обильными рыбою „лѣшими" озерами и „морскими" рѣками, своимъ моремъ, доставлявшимъ промышленнику соль и опаснаго, но прибыльнаго морскаго звѣря. Въ поземельныхъ описяхъ, какія представляютъ новгородскія грамоты XV вѣка, сохраненныя монастыремъ, даже повторяется однообразный перечень однихъ и тѣхъ же угодій и промысловъ, разрабатывавшихся на занятыхъ поселенцами земляхъ Поморья. Чрезвычайно рѣдко упоминается въ этихъ описяхъ поморскихъ земель „страдомая" или „орамая земля;" *) скудное земледѣліе по Поморскому берегу, ограничивающееся сѣяніемъ почти одного только ячменя, и нынѣ идетъ не много сѣвернѣе Кеми; дальше не родится уже никакой хлѣбъ. За исключеніемъ этихъ рѣдкихъ указаній на страдомыя земли, во всѣхъ описяхъ повторяются одни и тѣже угодья и промоcлы: земли (нестрадомыя) и воды, рыбныя ловища и тони по морскому берегу, по лѣшимъ озерамъ или морскимъ рѣкамъ, лѣсъ полѣшій или—въ противоположность ему — страдомый, наконецъ пожни; въ нѣкоторыхъ присоединяются ко всему этому еще *сала морскія.* На этихъ-то прибрежныхъ, рѣчныхъ и морскихъ земляхъ,

---

*) Изъ 35 или 36 земельныхъ владѣній, пріобрѣтенныхъ Соловецкимъ монастыремъ до начала XVI вѣка на Поморскомъ, Корельскомъ и Терскомъ берегу, только въ 4-хъ указываются страдомыя или орамыя земли, и эти владѣнія всѣ были на Поморскомъ берегу. Сборникъ грамотъ Соловецкаго монастыря, №№ 2 — 5.

съ развитіемъ новгородской колонизаціи въ Бѣломорскомъ краѣ, возникали промышленные поселки, или *страдомыя деревни*, заселявшіяся боярскими рабами или вольными насельниками. Около половины XV вѣка эти поселки еще сохраняли на себѣ свѣжіе слѣды своего недавняго появленія въ пустынномъ краѣ: разбросанные рѣдкими точками на далекихъ другъ отъ друга пунктахъ, они были бѣдны и поселенцами и хозяйственными постройками. Въ деревнѣ Мареы посадницы на рѣкѣ Сумѣ жили только два бобыля. У другаго владѣльца на уступленныхъ имъ монастырю земляхъ по рѣкамъ Выгу, Шуѣ, Кеми и другимъ находился всего одинъ дворъ съ хоромами. У одного вотчинника въ Великокурьѣ, при морѣ, былъ въ вотчинѣ *городецъ* подъ горою и, *ворище*. Среди этихъ разбросанныхъ поселковъ, къ половинѣ XV вѣка, начали уже появляться мѣстные центры, которыми служили „молитвенные храмы“, или часовни, возникавшіе у моря, на рѣкахъ, въ мѣстностяхъ наиболѣе заселенныхъ русскими колонистами. Такъ была часовня на рѣкѣ Выгу, при впаденіи въ нее рѣки Сороки; при ней Савватій нашелъ одиноко-жившаго старца Германа, который, можетъ быть, и поставилъ ее. Среди Сумскихъ деревень Мареы посадницы, у рѣчной пристани, куда заходили съ моря суда промышленниковъ, также была часовня, у которой жили два поселенца ближней деревни. Къ этимъ часовнямъ изрѣдка заходили странствующіе иноки—священники „посѣщенія ради ту православныхъ христіанъ,“ по выраженію житія Соловецкихъ чудотворцевъ,—и тогда изъ окрестныхъ деревень приходили сюда русскіе поселенцы по своимъ духовнымъ требамъ. Сюда же заходили и новгородскіе гости, плававшіе по Бѣлому морю, останавливались подлѣ часовни въ шатрахъ, и поклонившись въ часовнѣ святымъ образамъ, оставляли здѣсь какіе-нибудь вклады. *) Но о церквахъ въ Поморскихъ поселеніяхъ нѣтъ и намека до основанія монастыря; онѣ стали строиться уже монастыремъ, подъ вліяніемъ его просвѣтительныхъ стремленій.

---

*) Житіе Зосимы и Савватія по указан. рукописи, листъ 284.

Таковы были элементы населенія, среди котораго и на которое приходилось дѣйствовать монастырю; такова была почва, на которой предстояло ему развить свою широкую хозяйственную дѣятельность. Около половины XV вѣка, русско-христіанская жизнь, занесенная сюда, въ среду финскаго язычества, русскими поселенцами, проявлялась еще очень слабо и робко. Въ непривѣтливомъ Корельскомъ краѣ русскому населенію, которое заходило сюда, по привычной сѣверной дорогѣ, съ топоромъ, косой и мережей, съ скудными средствами, нелегко было собрать въ себѣ и вызвать къ дѣятельности столько силъ, чтобы возсоздать на новой, чуждой почвѣ главныя основы жизни, выработавшіяся на родномъ, давно насиженномъ мѣстѣ. Лѣтъ черезъ сто по основаніи Соловецкаго монастыря, когда его значеніе для края выяснилось уже многими результатами, составитель похвальныхъ словъ его основателямъ говорилъ о движеніи Русскихъ къ Поморью, предшествовавшемъ основанію монастыря: „Много слышалось имъ (финскимъ туземцамъ Поморья) и древле христіанское имя, но не познали они благоразумія христіанскаго; ибо многіе христіане обращались между ними, но только ради *тлѣннаго* и *суетнаго прибытка*, продавая и покупая мертвенные животы, но ни единымъ словомъ не старались какъ бы показать тѣмъ людямъ многоцѣнный бисеръ... Такъ эти христіане приходили къ Лопи праздными въ благовѣстіи, пока не пришелъ къ ней *носитель вѣры*" *). Въ этихъ словахъ есть намекъ на то, чего не доставало, чтобы обезпечить за русско-христіанской жизнью успѣшное развитіе въ сѣверномъ Поморьѣ. Не доставало дѣятеля, который выступилъ бы во имя болѣе высокихъ и многосторонних интересовъ, чѣмъ тѣ, съ какими пришли туда промышленные поселенцы, который, ставъ средоточіемъ для края, могъ бы этими интересами сблизить и объединить разсѣянныя силы финскаго и русскаго населенія и привлечь туда новыя. Такова роль, которая предстояла обители, возникшей

*) Прав. Соб. 859 г., № 6: „Слово черноризца Зиновія," стр. 237—238.



на островѣ Бѣлаго моря. Въ исторіи этой обители матеріальная дѣятельность ея иноковъ является въ такомъ тѣсномъ соединеніи съ нравственной, что одна вездѣ неразлучно сопутствуетъ другой.

Много тяжелыхъ минутъ пережила обитель въ первое время своего существованія. Возникнувъ на дикомъ островѣ, среди лишеній, она встрѣтила вражду и завистъ въ прибрежномъ, и русскомъ и финскомъ населеніи. Но въ то время какъ своею просвѣтительною дѣятельностью она создавала себѣ нравственный авторитетъ, который могъ бы защитить ее отъ враждебныхъ силъ, она на скудной почвѣ острова приготовлялась къ труду мирнаго завоеванія не тронутыхъ или мало тронутыхъ средствъ Бѣломорскаго края. Уже первые поселенцы острова, старецъ Германъ съ Савватіемъ, а потомъ съ Зосимой, познакомили почву острова съ земледѣльческимъ орудіемъ: „землю копали мотыками и тѣмъ питались,“—говоритъ о нихъ житіе. Но, можетъ быть, не разъ повторялись съ ними случаи, подобные описанному въ житіи, когда „мало не доставши ему (Зосимѣ) пища, и о семъ поусумнѣся мало помысломъ.“ Собравшаяся братія усвоила себѣ занятія основателей обители: такъ началась первая разработка средствъ, какія представляла природа острова. Данная Соловецкому игумену Іонѣ властями Великаго Новгорода грамота (около 1450 г.), укрѣплявшая за монастыремъ право на владѣніе Соловецкими островами, перечисляетъ эти средства: „въ тѣхъ островахъ (пожаловалъ Новгородъ игумена и братію) землею и ловищами и тонями, пожнями и лѣшими озеры, *земля имъ дѣлати* и пожне косити, и лѣшіе озера и тонѣ ловити добровольно.“ *) Изъ той же грамоты видно, что около Соловецкихъ островов производилась ловля морскаго звѣря, доставлявшаго сало и кожу. Если въ этой новгородской грамотѣ между угодьями упоминается просто земля, которую монастырь получалъ право воздѣлывать, то въ великокняжеской жалованной монастырю грамотѣ 1479 года на владѣніе тѣми же островами сверхъ простой,

*) Лѣтоп. Солов., 1815 г., стр. 7 и 8.

необработываемой земли съ прежними угодьями обозначается и новая статья — „страдомая земля." Но хлѣбъ не родится на Соловецкомъ островѣ, и земля обработывалась только подъ огородные овощи. Житіе Соловецкихъ чудотворцевъ рисуетъ намъ хозяйственныя занятія первыхъ иноковъ, къ нимъ собравшихся: „землю копали и деревья на постройки монастырскія готовили, также множество дровъ рубили, и воду изъ моря черпали и соль варили, и продавали ее купцамъ и брали отъ нихъ всякое орудіе, потребное монастырю. И въ другихъ работахъ трудились и рыбную ловлю творили, и такъ отъ своихъ потовъ и трудовъ кормились."

Но сила вещей вызывала пустынножителей на болѣе широкое поприще. Съ одной стороны, высокій авторитетъ основателей привлекалъ въ обитель нравственныя силы изъ далекихъ краевъ, и скудныя средства, которыя можно было извлечь изъ острововъ, становились недостаточны для умножавшейся братіи. Съ другой стороны, не всѣ русскіе люди отнеслись къ возникшей среди моря иноческой общинѣ, какъ боярскіе рабы Поморья. Новгородъ давно двинувшій свои промышленныя дружины въ тотъ край для присоединенія его къ русско-христіанскому міру, чувствовалъ, какое значеніе можетъ имѣть въ этомъ дѣлѣ монастырская община, появившаяся въ краѣ съ интересами и стремленіями, какихъ не могли принести съ собой туда промышленные поселенцы,—и житіе, разсказывая о двухъ путешествіяхъ Зосимы въ Новгородъ, каждый разъ прибавляетъ, что многіе изъ бояръ дали монастырю довольно имѣнія, церковныхъ сосудовъ и одеждъ, серебра и жита, и обѣщались во всемъ помогать обители. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ причинъ начинается любопытный процессъ сосредоточенія въ рукахъ Соловецкаго братства обширныхъ и многочисленныхъ земельныхъ участковъ въ Бѣломорьѣ, столь важный по своимъ слѣдствіямъ для исторіи этого края. Занятыя земли дарятся, закладываются, продаются монастырю, — а между тѣмъ на нихъ возникаютъ одно за другимъ хозяйственныя заведенія, привлекаются поселенцы, эксплуатація усиливается, и заселенныя земли

незамѣтно растутъ, округляясь присоединеніемъ къ нимъ еще нетронутыхъ пустошей.

Первыя и главныя земельныя пріобрѣтенія сдѣланы были монастыремъ на нынѣшнемъ Поморскомъ берегу,—тамъ, гдѣ къ половинѣ XV вѣка съ наибольшей силой развилась новгородская колонизація Бѣломорья. Одними изъ первыхъ и едвали не самыми значительными были вклады Марѳы Посадницы: на Поморскомъ берегу она подарила монастырю нѣсколько страдомыхъ деревень и угодій по рѣкѣ Сумѣ, у часовни и рѣчной пристани. Затѣмъ слѣдовалъ длинный рядъ вкладовъ другихъ новгородскихъ землевладѣльцевъ, дарившихъ монастырю свои участки по рѣкамъ Поморскаго и Корельскаго берега. Между грамотами Соловецкаго монастыря мы имѣемъ до 33 вкладныхъ, которыя почти всѣ относятся еще къ XV вѣку, особенно ко времени 3-го Соловецкаго игумена Іоны; изъ нихъ 28 предоставляли во владѣніе монастыря множество участковъ по рѣкамъ Поморскаго и Корельскаго берега и по прибрежнымъ островамъ. Изъ этихъ участковъ насчитывается до 44 только такихъ, мѣстность которыхъ сколько-нибудь ясно обозначена, именно по рѣкѣ Сумѣ 1, по Вирмѣ 2, по Выгу и Сорокѣ до 16, по Шуѣ 9, одинъ съ дворомъ, избой, двумя хлѣвами и мыльней, по Кеми 9, по Поньгѣ (на Корельскомъ берегу) 1, по Жеравнѣ 1 (село противъ церкви), на Князь-островѣ 1, на Кузостровѣ 1, на Кильбостровѣ 1 и на Кембостровѣ 1; объ остальныхъ участкахъ говорится только, что они находятся на морѣ или на Лопи, въ Корелѣ, между 5-ю родами Корельскихъ дѣтей. Кромѣ вкладовъ монастырь пріобрѣталъ земли куплей: такъ въ XV вѣкѣ куплены были имъ у порога Золотца на Выгу 2 участка, на Шуѣ 2, на Кеми 2, на Кильбостровѣ 3 и весь Лотошкинъ островъ. Скоро стали распространяться владѣнія монастыря и на далекомъ Терскомъ берегу. Еще въ 1466 году одинъ землевладѣлецъ далъ монастырю участки по рѣкамъ Умбѣ и Варзугѣ и по морскому берегу. Въ 1470 году Марѳа Посадница подарила Зосимѣ свою вотчину между тѣми же рѣками, у Кашкаранскаго ручья и на Кашкаранскомъ Наволокѣ. Кромѣ этихъ двухъ вкладовъ, въ

числѣ вышеупомянутыхъ грамотъ Соловецкаго монастыря имѣемъ еще позднѣйшія вкладныя, по которымъ монастырь пріобрѣлъ нѣсколько новыхъ участковъ на Терскомъ берегу, по рѣкамъ Умбѣ и Варзугѣ и на Песьемъ Наволокѣ. Изъ поселенцевъ на монастырской землѣ по рѣкѣ Варзугѣ къ 1491 году былъ уже образованъ церковный приходъ и поставлена монастыремъ церковь. *) Пріобрѣтая вотчины, монастырь ставилъ въ нихъ дворы, куда посылалъ своихъ старцевъ — прикащиковъ для управленія промыслами и угодьями. Такъ въ житіи упоминается монастырскій дворъ при устьѣ Сумы, у пристани, на пріобрѣтенной тамъ монастырской землѣ; другой дворъ былъ въ селеніи на Вирмѣ, также у пристани; здѣсь жилъ монастырскій прикащикъ, *старецъ-ватаманъ*, и хранились, по выраженію житія, „всякія потребы и запасы." Есть намекъ и на то, что здѣсь рано образовалась волость и содѣйствіемъ монастыря поставлена была церковь, одна изъ первыхъ въ краѣ, при которой жилъ назначавшійся монастыремъ „инокъ-іерей," соединявшій съ должностью приходскаго священника обязанность надзора за монастырскимъ дворомъ.

Государи и люди Московскіе также охотно содѣйствовали развитію хозяйственной дѣятельности Соловецкаго монастыря, какъ и люди вольнаго Новгорода. Грамотой великаго князя Ивана III, 1479 года, подтверждавшей за монастыремъ право на владѣніе всей группой Соловецкихъ острововъ, открывается длинный рядъ грамотъ Московскихъ государей, которыми они жаловали монастырю новыя земли въ Бѣломорскомъ краѣ. Въ 1539 г. пожаловано было монастырю 13 луковъ **) по рѣкамъ Шизни и Выгу и на Сухомъ Наволокѣ (у Сороцкой губы) съ деревнями, въ которыхъ жило 4 или 5 поселенцевъ, со всѣми угодь-

*) Грамота арх. Геннадія 1491 г. въ Оп. Сол. мон., арх. Досиѳея, ч. 3, стр. 182. Въ концѣ XVI в. монастырь имѣлъ въ волости Варзугѣ 224 лука земли, на которой было 7 дворовъ крестьянскихъ жилыхъ, да 8 мѣстъ дворовыхъ пустыхъ.

**) Лукъ содержалъ въ себѣ 2 обжи, а обжа имѣла 126 саж. длиннику и 32 поперечнику.

ями, съ рыбными ловлями и соловаренными (црѣнными) оброками. *) При этомъ встрѣчаемъ любопытное для исторіи колонизаціи края прибавленіе, постоянно повторяющееся въ грамотахъ при пожалованіи пустошей: „и кто у нихъ въ тѣхъ 13 лукахъ учнутъ жити людей и крестьянъ, и намѣстники наши и волостели тѣхъ ихъ людей и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ, опричь разбоя и татьбы съ поличнымъ... а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей и крестьянъ игуменъ съ братьею“ и проч. **).

Между тѣмъ начавшееся до монастыря движеніе колонизаціи продолжалось, и мы встрѣчаемъ указаніе, бросающее свѣтъ на силу и размѣры этого движенія въ началѣ XVI вѣка. Мы видѣли выше, что однимъ изъ первыхъ земельныхъ пріобрѣтеній монастыря въ Поморьѣ были 2 лука при устьѣ р. Сумы, у часовни, гдѣ жили 2 поселенца. По писцовымъ книгамъ 1496 года, на рѣкѣ Сумѣ значилось 19 деревень, принадлежавшихъ Марѳѣ Посадницѣ; онѣ составляли волость, имѣвшую уже церковь. Писцовыя книги 1551 года, повторяя означенныя 19 Сумскихъ деревень, прибавляютъ 5 новыхъ съ 6½ луками земли, говоря, что „онѣ стали послѣ письма (1496 года).“ Занятіе земель углублялось и внутрь края: одна изъ этихъ 5 новыхъ деревень „стала починкомъ“ на островѣ Сумозера у деревни, поставленной еще до 1496 года. Всѣ эти Сумскія деревни, старыя и новыя, съ двумя Марѳинскими деревнями по рѣкѣ Выгу, всего 78½ луковъ царь пожаловалъ въ 1555 году Соловецкому монастырю, присоединивъ къ нимъ еще 33 варницы въ Сумской волости, по рѣкамъ Сумѣ и Колежмѣ, по приморскимъ наволокахъ и прибрежнымъ островамъ. Но пожалованіе сдѣлано было монастырю не даромъ: казна нашла выгоднымъ уступить эти деревни, приносившія ей около 19 рубл. ежегоднаго дохода, и этимъ воз-

*) Съ пріобрѣтеніемъ Шизни у монастыря явилась третья пристань на Поморскомъ берегу, сверхъ пріобрѣтенныхъ прежде въ Сумѣ и Вирмѣ.

**) См. грамот. въ 3-й части Оп. Сол. мон. Досиѳея, № 1.

наградить монастырь за отнятіе даннаго прежде права безпошлинной продажи 10.000 пудовъ монастырской соли. *)

Не даромъ досталось монастырю и другое пріобрѣтеніе, еще болѣе округлившее его прежнія, уже значительныя владѣнія по рѣкѣ Выгу. Несмотря на давность и значительность его пріобрѣтеній по этой рѣкѣ, священное для него мѣсто, откуда отплылъ на островъ и гдѣ потомъ похороненъ былъ основатель монастыря, пр. Савватій, у часовни, при впаденіи рѣки Сороки въ Выгъ, оставалось еще внѣ монастырскихъ вотчинъ. Во время пребыванія Савватія на островѣ (1429—1435), вблизи этой часовни были уже христіанскіе поселки, для которыхъ она служила средоточіемъ по церковнымъ дѣламъ. Когда возвратился къ этой часовнѣ съ острова Савватій, сюда пришелъ іеромонахъ Нафанаилъ, служившій приходскимъ священникомъ для обширнаго пространства, на которомъ разбросаны были русскія селенія, и тогда „отъ насельныхъ тамо,“ по выраженію житія, стекались къ часовнѣ для удовлетворенія своихъ духовныхъ требъ. Похоронивъ при этой часовнѣ Савватія, Нафанаилъ построилъ здѣсь потомъ и церковь,—первую по времени извѣстную намъ церковь въ Поморьѣ. Но несмотря на раннее появленіе здѣсь часовни и церкви, среди приливовъ и отливовъ еще не осѣвшагося прочно пришлаго населенія, заселеніе мѣста шло очень медленно, и по писцовымъ книгамъ 1496 года у церкви, при устьѣ Сороки, была деревня, въ которой жило только двое жильцовъ, а въ началѣ XVI вѣка церковь опустѣла и стояла безъ „пѣнія, попа и *прихода* 40 лѣтъ, и дозрѣти было ее некому,“ какъ говоритъ грамота, до самаго 1551 года. Въ это время царь пожаловалъ опустѣвшую церковь монастырю съ условіемъ „ту церковь строить, попа держать и ругу ему давать.“ Но вмѣстѣ съ этимъ надобно было возстановить и церковный приходъ, — и на подмогу монастырю въ этомъ дѣлѣ ему пожалованы были тоня на рѣкѣ Сорокѣ, близь церкви, приносившая казнѣ рубль новгородскій ежегоднаго дохода, и самая деревня Сорока съ лукомъ зем-

*) Тамъ же № 3.

ли, причемъ казна удерживала за собой право взимать и съ тони и съ опустѣвшей деревни оброкъ и обежную дань освобождая только отъ волостелина и тіунскаго суда *тѣхъ людей и крестьянъ*, которые *въ той деревнѣ учнутъ жити.* *)

Такъ постепенно округлялъ монастырь свои вотчины въ мѣстностяхъ, гдѣ онъ сталъ давно утверждаться. Вотчины его уже тянулись на обширномъ пространствѣ по прибрежнымъ рѣкамъ отъ Сумы до Кеми и по Терскому берегу; но до половины XVI вѣка нѣтъ извѣстія о томъ, чтобы онѣ шли далѣе рѣки Сумы къ востоку; рѣки Колежма, Пюхта, Унежма и др. до Онеги, кажется, не имѣли еще на своихъ прибрежьяхъ ни одного монастырскаго участка. Но колонизація уже коснулась и этой части Поморья, и въ началѣ XVI вѣка житіе Соловецкихъ чудотворцевъ указываетъ здѣсь волость, составившуюся изъ русскихъ поселеній по рѣкѣ Унежмѣ. Встрѣчаются указанія на значительное развитіе въ приморскихъ окрестностяхъ рѣки Колежмы солеваренія. Съ половины XVI вѣка монастырь и сюда направляетъ свое движеніе: въ 1550 году пожалованы были монастырю на строеніе каменной церкви на Соловецкомъ островѣ Сумскій островокъ съ тремя дворами и двѣ деревни по рѣкѣ Колежмѣ съ 9-ю обжами земли и 8-ю варницами, и опять съ тѣмъ же указаніемъ на задачу, которая предстояла монастырю на этихъ новыхъ его земляхъ: „а кто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ и у варницъ и на острову учнутъ жити людей и крестьянъ" и т. д. **) Въ 1555 году къ этимъ колежемскимъ пріобрѣтеніямъ прибавилось еще нѣсколько варницъ на Колежмѣ и на ближнихъ приморскихъ наволокахъ, изъ числа 33-хъ, пожалованныхъ въ этомъ году монастырю на Поморскомъ берегу.

Уцѣлѣвшія грамоты монастыря не даютъ возможности слѣдить за каждымъ приращеніемъ его вотчинъ. Между тѣмъ какъ пріобрѣталъ онъ новыя земли и сообщалъ имъ жизнь и дѣятельность призывомъ „людей и крестьянъ", прежде прі-

---

*) Сборн. грам. Сол. мон. №№ 6 и 7.

**) Грам. въ 3-й части Оп. Сол. мон. № 4.

обрѣтенныя вотчины его росли и распространялись, и этотъ ростъ совершается незамѣтно для насъ: мы только встрѣчаемъ указанія на нѣкоторые результаты его. До сихъ поръ мы не имѣли прямаго извѣстія о томъ, чтобы монастырскія вотчины по Корельскому берегу шли сѣвернѣе рѣки Поньги; мы знаемъ только, что монастырь рано пріобрѣлъ нѣсколько участковъ по Терскому берегу, по рѣкамъ Умбѣ и Варзугѣ. Но у него были владѣнія и на промежуточномъ береговомъ пространствѣ отъ Поньги до Умбы: грамота 1584 года показываетъ, что здѣсь, кромѣ 10 луковъ на Умбѣ, у монастыря были въ Керети и Порьегубѣ приморскія угодья съ 14 луками земли и 1 лукъ въ Кандалакшѣ. Но вотчины монастыря простирались еще дальше, выходя изъ предѣловъ Бѣломорскаго прибрежья: по той же грамотѣ, у монастыря было 1½ лука земли на далекомъ Мурманскомъ берегу, въ Кольской волости *). Но если нельзя точно опредѣлить мѣсто и объемъ всѣхъ земель, пріобрѣтенныхъ монастыремъ до 1584 года, то есть извѣстіе, указывающее на результаты, достигнутые имъ въ заселеніи своихъ вотчинъ. Мы видѣли, что монастырь пріобрѣталъ большею частію пустыя земли, ждавшія рабочихъ рукъ; изъ другой грамоты того же 1584 г. узнаемъ, что къ этому времени у него было жилыхъ, заселенныхъ земель 40 обежъ, и здѣсь же встрѣчаемъ черты того значенія для государства и для благоустройства края, какое сообщалъ монатырь этимъ землямъ: „а вотчины у Соловецкаго монастыря во всѣхъ монастырскихъ деревняхъ *живущаго* только 40 обежъ, и съ нихъ правятъ всякіе государевы сборы, и на ямъ правятъ деньги, а у нихъ въ Сумскомъ острогѣ устроенъ ямъ свой, монастыремъ и монастырскими крестьяны 40 обжами и отъ охотниковъ стоятъ съ подводами безпрестанно и годныя (sic) гоняютъ многія въ Поморье съ Москвы на Мурманское море до устья Колы, а изъ Новгорода въ поморскія волости, да изъ Сумскаго острога посылаютъ въ посылки и на сторожи на нѣмецкій рубежъ монастыркихъ людей **).

*) Сборн. грам. Сол. мон., № 43.

**) Тамъ же, № 44.

Кромѣ Варзуги, на Терскомъ берегу образовалась во второй половинѣ XVI вѣка другая власть — Умба. Соловецкій монастырь имѣлъ здѣсь соперника въ другомъ знаменитомъ монастырѣ, Кирилло-Бѣлозерскомъ, которому принадлежали здѣсь три четверти волости. Волость составляла два прихода и имѣла двѣ церкви, между которыми распредѣлены были крестьяне, жившіе на земляхъ того и другаго монастыря. Соловецкому монастырю принадлежало здѣсь въ 1584 году 10 луковъ земли, которые, съ прибавкой новаго полулука, въ 1585 году составляли четверть волости; съ этихъ 10½ луковъ монастырь платилъ оброка въ казну 25 руб., тогда какъ съ 77½ луковъ въ Сумской волости, по перечневымъ книгамъ 1551 года, шло въ казну оброка только 7 руб., да волостелина корма 3 руб. 22 алт. Эту огромную разницу въ доходности тѣхъ и другихъ земель для казны можно объяснить только тѣмъ, что находившіяся на Сумскихъ лукахъ деревни, отходя въ 1585 г. къ Соловецкому монастырю, были еще слабо разработаны, не имѣли хозяйственнаго устройства, которое позволяло бы извлекать изъ земли значительныя средства, тогда какъ на 10 умбскихъ лукахъ монастырь успѣлъ уже къ 1585 году развить хорошее хозяйство: среди соляныхъ варницъ, рыбныхъ и звѣриныхъ ловель, лѣсовъ, пожней и *всякихъ угодій* монастырь наставилъ тамъ дворовъ, амбаровъ, лавокъ и мельницъ. Поселенцевъ, впрочемъ, было въ волости немного: въ позднѣйшей грамотѣ 1607 года находимъ любопытное указаніе на ихъ число въ этой сравнительно-доходной для казны волости: на трехъ четвертяхъ Кириллова монастыря было 25 дворовъ, а на Соловецкой четверти жило всего 4 крестьянина *).

Между тѣмъ и по Кеми, среди поселковъ Валдеинскаго рода, одного изъ 5 родовъ Корельскихъ дѣтей, благодаря приливу русскихъ поселенцевъ, около начала XVI в. образовалась волость. Здѣсь, вблизи моря, давно, еще въ XV вѣкѣ началъ утверждаться Соловецкій монастырь, получая участки вкладомъ отъ русскихъ владѣльцевъ. Въ 1589 году

*) Сборн. грам. Сол. мон. №№ 46 и 120.

монастырь ставилъ ратныхъ людей съ своего „жеребья“ въ Кеми. Въ слѣдующемъ году этотъ жеребій опредѣляется точнѣе: по грамотѣ этого года, монастырю принадлежала половина Кемской волости, а другая половина состояла изъ угодій и деревень царскихъ оброчныхъ крестьянъ, платившихъ въ казну оброка по 64 руб. 17 алт. съ деньгой въ годъ. Русская колонизація, двигаясь вверхъ по этой рѣкѣ, вглубь страны, сталкивалась съ противоположнымъ, враждебнымъ движеніемъ со стороны Каянскихъ Нѣмцевъ. Если на нижнемъ теченіи рано, въ половинѣ XV вѣка, встрѣчаемъ русскія поселенія, то верхнее и въ концѣ XVI вѣка оставалось недоступнымъ для нихъ, называясь Кемью Нѣмецкою. Нѣмецкіе люди спускались на судахъ рѣками Кемью и Ковдой и разоряли приморскія варницы и деревни русскихъ поселенцевъ. Въ царствованіе Федора Ивановича особенно усилились эти вторженія,—и мы встрѣчаемъ любопытныя указанія, на кого государство возлагало защиту русской промышленности въ этомъ краѣ: среди борьбы съ Бѣломорской природой, Соловецкій монастырь вступаетъ въ борьбу съ этимъ новымъ врагомъ, мѣшавшимъ русскому человѣку мирно утверждаться въ Поморьѣ. Въ 1590 году монастырю поручено было вмѣстѣ съ оброкомъ его половины Кемской волости сбирать и представлять въ казну оброкъ и съ другой половины, на которой жили царскіе оброчные крестьяне. Въ слѣдующемъ году вся Кемская волость отдана была монастырю на любопытныхъ условіяхъ, показывающихъ, какое значеніе пріобрѣтала хозяйственная дѣятельность монастыря въ томъ краѣ. Соловецкій игуменъ съ братіей билъ челомъ царю въ 1591 году и сказалъ, „что у нихъ царское жалованье въ Поморьѣ половина Кемской волости, а другая половина той волости за царемъ, и та Кемская волость къ Соловецкому монастырю ближе всѣхъ волостей за 60 верстъ, и по той Кеми рѣкѣ отъ прихода нѣмецкихъ воинскихъ людей и зимой и лѣтомъ изъ монастыря у нихъ заставы и сторожа живутъ безпрестанно, и имъ кемскіе крестьяне заставъ и сторожъ никакихъ крѣпостей по Кеми рѣкѣ ставить не дадутъ, и въ томъ между ними смута великая, и нѣмецкіе люди при-

ходятъ войною безвѣстно, и опричь Кеми да Ковды рѣки Каинскимъ Нѣмцамъ инаго судоваго пути нѣтъ, и та Кемская волость отъ нѣмецкихъ людей дважды воевана въ 87 (1579) да въ 98 (1590) году." Царь по этому челобитью пожаловалъ монастырь всею Кемскою волостью и Поду, жемьемъ (въ 18 верстахъ отъ нынѣшняго города Кеми вверхъ по рѣкѣ) и Пебо-озеромъ и Масло-озеромъ въ вотчину въ прокъ съ крестьянами, дворовыми мѣстами, соляными варницами, съ рыбными и звѣриными ловлями и со всѣми угодьями, на слѣдующихъ условіяхъ: въ той Кемской волости подѣлать монастырю всякія крѣпости и острогъ сдѣлать, и въ немъ людей ратныхъ изъ монастыря устроить и заставы учинить крѣпкія, чтобы въ приходъ нѣмецкихъ людей сидѣть было нестрашно, и царскихъ гонцовъ возить изъ Кеми до Керети, а въ казну со всей Кемской волости платить оброка и разныхъ пошлинъ по 134 руб. и 24 алт. съ деньгой ежегодно. Кромѣ всего этого у монастыря взятъ былъ за это пожалованіе пріобрѣтенный имъ въ Новгородѣ дворъ съ каменной палатой и садомъ, приносившимъ по 70 руб. дохода *).

На другихъ пунктахъ Поморья не было по крайней мѣрѣ борьбы съ порубежными воинскими нѣмецкими людьми, какая шла на пространствѣ отъ рѣки Сумы до сѣвернаго края нынѣшняго Корельскаго берега, и монастырь могъ свободнѣе углубляться въ пустоши, привлекая въ нихъ съ собою жизнь и рабочія руки. Узнаемъ и причину, заставлявшую монастырь искать и разработывать новыя пустоши: въ 1590 г. онъ жаловался, что главный источникъ его доходовъ, соляныя поморскія варницы, начинали пустѣть, потому что около нихъ лѣса высѣчены и соль варить ужь нечѣмъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства монастырь въ 1590 г. билъ челомъ, чтобы царь пожаловалъ его у моря *пустою* волостью Нюхчею да Унежмою, прибавляя, что въ той волосткѣ церковь стоитъ безъ пѣнія 4-й годъ, а *жильцовъ* въ той волосткѣ *нѣтъ*, и въ царскую казну съ той

*) Сборн. грам. Сол. мон. № 64. Опис. Солов. мон., арх. Досиѳея, ч. 3, грам. №№ 15 и 16.

волостки нейдетъ ничего, и соляныя варничишки въ той волосткѣ стоятъ пусты, а волостка эта съ ихъ *монастырскою вотчиною смежна, а иныхъ волостокъ и деревенъ межъ тѣми волостками нѣтъ.* Казнѣ было выгодно сдѣлать доходной опустѣвшую, ничего не дававшую ей волость, и царь пожаловалъ Нюхчу и Унежму монастырю въ вотчину, освобождая ее отъ царскихъ податей на два года съ тѣми же любопытными условіями: „въ тѣ имъ льготныя лѣта въ волосткѣ Нюхчѣ да Унежмѣ устроить церковь, и варницы и дворъ поставить, а послѣ льготныхъ лѣтъ давать имъ оброку ежегодно съ тѣхъ волостокъ по 50 руб. на годъ *).“ Такъ подвигался монастырь къ Онегѣ и своимъ турчасовскимъ землямъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ. На Унежмѣ уже въ началѣ XVI вѣка была волость, упоминаемая въ житіи Соловецкихъ чудотворцевъ; но среди передвиженій русскаго населенія въ Поморьѣ она опустѣла, начавшіеся промыслы были брошены; тутъ и взялъ ее въ свои руки Соловецкій монастырь, чтобы продолжать дѣло, начатое промышленными поселенцами.

Опустѣніе Унежмы въ 80-хъ годахъ XVI столѣтія, можетъ быть, имѣло какую-нибудь связь съ тѣми опустошеніями, которымъ около этого времени подверглись русскія поселенія на Поморскомъ и Корельскомъ берегу Бѣлаго моря со стороны Шведовъ. Со всею силою обрушились эти опустошительныя вторженія на волость Шую Корельскую (по рѣкѣ Шуѣ, почти на половинѣ пути между рѣками Кемью и Выгомъ). Шуйская волость принадлежитъ къ числу самыхъ давнихъ въ Поморьѣ; заселеніе ея Русскими началось еще до основанія Соловецкаго монастыря. Въ житіи преподобныхъ Зосимы и Савватія встрѣчаемъ разсказъ, показывающій, что во второй половинѣ XV вѣка „на Шуѣ рѣкѣ, на берегу моря,“ было русское поселеніе, обитатели котораго выѣзжали весной въ море на ловлю морскаго звѣря, „на добытки весновальники,“ по выраженію житія, и продавали свою добычу Новгородскимъ купцамъ, которые пріѣзжали къ нимъ за звѣринымъ саломъ и

*) Сборн. грам. Сол. мон. № 61.

кожей: „то есть добытокъ ихъ,“ прибавляетъ житіе о Шуянахъ. Въ половинѣ XVI вѣка въ волости была церковь, и въ казну шло съ поселянъ оброка по 29 рубл. 29 алтын. и 1½ деньги въ годъ. Въ концѣ XVI вѣка эту волость со всѣхъ сторонъ окружали вотчины Соловецкаго монастыря, который еще прежде началъ пріобрѣтать участки по рѣкѣ Шуѣ. Въ то время какъ почти всѣ приморскія волости, расположенныя при устьяхъ рѣкъ Поморскаго и Корельскаго берега, вошли уже въ составъ вотчинъ монастыря, Шуя оставалась внѣ ихъ. Но тутъ, можетъ быть, въ одно время съ Кемью, Шуя была разорена „Свейскими Нѣмцами,“ которые сожгли и ея храмъ, и скоро послѣ этого Шуя отошла къ монастырю, привлеченная тою же естественно образовавшеюся экономическою зависимостью, которая сосредоточила въ рукахъ монастыря и другія волости Поморья. Грамота 1614 года передаетъ намъ любопытную исторію этого присоединенія. Игуменъ Соловецкій съ братіей билъ челомъ царю и сказалъ, „что нынѣ послѣ разоренія въ той волосткѣ Шуѣ жильцы немногіе и тѣ кормятся морскими промыслами, *а иные кормятся у нихъ около Соловецкаго монастыря*, а пашенной земли у нихъ нѣтъ, и нынѣ съ той волостки оброку въ Великомъ Новгородѣ не даютъ потому, что *стала за ихъ* монастырскою вотчиною, *за Сумскимъ острогомъ*, а къ нимъ и въ монастырь и въ Сумскій острогъ ничѣмъ не тянутъ же, и карауловъ не караулятъ, *и стоитъ та волостка за ихъ обереганьемъ*“. Царь отдалъ эту волость монастырю въ вотчину съ крестьянами, дворовыми мѣстами, анбарами и луками, съ мельницею, соляными варницами, рыбными, звѣриными и птичьими ловлями и съ двумя луками на приморскомъ берегу, между Кемью и Керетью, принадлежавшими къ той же волости,—на условіи, какое предложилъ самъ монастырь: платить съ той волости оброкъ, какой платила она до разоренья, т. е. 29 рубл. 29 алтын. и ½ деньги. *)

Въ послѣдствіи округлилась и Керетская вотчина монастыря. До 1635 года въ Керети монастырю принадлежала

*) Описаніе Соловецкаго монастыря, часть 3, грамота № 27.

только четверть волости; въ этомъ году отданы были царемъ и другія три четверти съ крестьянами и со всѣми угодьями. *) Такъ всѣ главнѣйшія русскія поселенія въ устьяхъ Поморскихъ рѣкъ Варзуги, Керети, Кеми, Шуи, Выга, Сумы, Колежмы, Нюхчи и Унежмы, въ первой половинѣ XVII вѣка сосредоточились подъ управленіемъ монастыря, энергическому содѣйствія котораго онѣ главнымъ образомъ и обязаны своимъ развитіемъ, а многія и своимъ возникновеніемъ.

Въ концѣ XVI вѣка, въ то время какъ монастырь, утвердившись на Поморьѣ, подвигался къ Онегѣ, встрѣчаемъ первыя ясныя указанія на пріобрѣтенія, выходившія въ этомъ направленіи за предѣлы Выгозерскаго стана и Новгородскаго уѣзда. Изъ грамоты 1585 года узнаемъ, что монастырь имѣлъ уже промыслы и деревни въ уѣздахъ Двинскомъ и Каргопольскомъ. **) Но уцѣлѣвшія грамоты Соловецкаго монастыря не говорятъ, какія это были деревни и когда онѣ пріобрѣтены монастыремъ. Подробнѣе опредѣляетъ Каргопольскія земли монастыря грамота 1604 года. Здѣсь монастырская вотчина простиралась по рѣкѣ Онегѣ, въ Турчасовскомъ стану, въ Піяльскомъ Усольѣ, и состояла изъ 2 обежъ тяглой земли и $1\frac{1}{2}$ црѣна солянаго промысла противъ дворовъ монастырскихъ, на берегу рѣки, съ лодейною пристанью ***). Съ начала XVII вѣка замѣтно усиливается стремленіе монастыря расширить свои вотчины пріобрѣтеніями внѣ предѣловъ области, въ которой онъ первоначально сталъ утверждаться: въ грамотахъ рѣже и рѣже встрѣчаются извѣстія о новыхъ его пріобрѣтеніяхъ въ собственномъ Поморьѣ, въ Новгородскомъ уѣздѣ; за то чаще и чаще повторяются извѣстія о ново-занятыхъ имъ земляхъ въ уѣздахъ Каргопольскомъ и Двинскомъ. Можетъ быть, въ этомъ стремленіи не безъ участія оставалась причина, высказанная самимъ монастыремъ: промышленная эксплуатація истощила первыя, легко дававшіяся средства удоб-

*) Соловецкая лѣтопись, издан. въ 1815 году, стр. 35.

**) Сборникъ грамотъ Соловецкаго монастыря, №№ 48 и 49.

***) Тамъ же, № 106.

ныхъ пустошей Поморья и заставляла искать такихъ же пустошей въ другомъ краѣ. Къ старымъ турчасовскимъ вотчинамъ монастыря принадлежали въ началѣ XVII вѣка деревни и рыбныя ловли его по рѣкѣ Онегѣ, въ волостяхъ Городецкой и Владычинской. Эти деревни описываются въ грамотѣ 1618 года, и представляемая ею опись любопытна по указаніямъ на условія и характеръ землевладѣнія въ томъ краѣ. Въ упомянутыхъ волостяхъ монастырь имѣлъ давно купленныя имъ 6 деревень цѣлыхъ, 2 полдеревни и большіе или меньшіе жеребьи въ 4 другихъ деревняхъ, владѣніе которыми онъ раздѣлялъ съ волостными крестьянами. Въ этихъ деревняхъ были сѣнокосы съ соляными промыслами и во всѣхъ „пашни паханыя“, хотя въ большей части ихъ земля обозначена худою; только въ нѣкоторыхъ изъ этихъ 12 деревень у монастыря было по одному двору, въ которомъ жилъ и землю пахалъ крестьянинъ-половникъ, и только въ одной деревнѣ было ихъ двое; въ другихъ или дворъ стоялъ пустъ, или вовсе не было двора; въ томъ и другомъ случаѣ монастырскіе половники пахали „наѣздомъ“; всѣхъ крестьянъ въ этихъ деревняхъ на монастырской землѣ работало 12 человѣкъ. Количество „пашни паханой“ гораздо больше количества земли, дѣйствительно обработывавшейся половниками; послѣдняя и обозначается названіемъ „живущей,“ или земли „въ живущемъ“; затѣмъ сверхъ сѣнокосовъ вездѣ указывается земля впустѣ, переложная и поросшая лѣсомъ. Опись, представляемая въ грамотѣ, показываетъ любопытное количественное отношеніе между всѣми этими родами земель въ деревняхъ. Въ Ордомскомъ погостѣ полдеревни Федоровой, во дворѣ половникъ Трофимка, на полчети выти пашни паханой, да перелогомъ 14 четей *въ полѣ, а въ дву потому жъ*, земля худа, въ живущемъ полчети выти, да впустѣ выть безъ полчети, сѣна по р. Онегѣ 50 копенъ; деревня Пыкшинская пуста, дворъ пустъ, пашутъ на монастырь наѣздомъ четь выти, пашни паханой 4 чети, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 12 четей въ полѣ, а въ дву потому жь, земля худа, въ живущемъ четь выти, а впустѣ выть безъ чети, сѣна по р. Онегѣ 50 коп.; въ Городецкой волости полдеревни Боклановской мѣсто дво-

ровое пусто, пашетъ наѣздомъ монастырскій половникъ Ѳеимко, пашни паханой 6 четей съ третникомъ, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 4 чети съ третникомъ въ полѣ и проч., земля худа, въ живущемъ четь выти и полполтрети и полполчети выти, а впустѣ полчети и полполтрети выти и т. д. На каждую выть въ живущемъ приходилось въ этихъ деревняхъ по 2 выти съ четью впустѣ. Относительно царской дани и оброка описанныя деревни дѣлились на бѣлыя и черныя: съ первыхъ шло 8 алт. 3 деньги, по 3 алт. 5 ден. съ выти въ живущемъ, со вторыхъ 3 руб. 13 алт., по 2 руб. 2 алт. 5 ден. съ выти въ живущемъ. Описанныя деревни не могли быть особенно доходны для монастыря, и онъ вступаетъ въ сдѣлку съ казной, также характеризующую землевладѣніе въ сѣверномъ краѣ того времени. Въ Турчасовскомъ стану у монастыря сверхъ описанныхъ 12-ти было еще 4 деревни, изъ которыхъ въ одной былъ дворъ, гдѣ жилъ монастырскій старецъ — прикащикъ, въ другой также дворъ „на пріѣздъ старцамъ и слугамъ монастырскимъ,“ въ которомъ жили трое Корелянъ, въ третьей былъ дворъ съ однимъ поселенцемъ Кореляниномъ, въ четвертой жили трое половниковъ. Въ томъ же стану въ 1607 году монастырь купилъ 5-ю деревню съ дворомъ, въ которомъ жилъ половникъ, и двумя пустыми дворами. Въ этихъ 5-ти черныхъ деревняхъ было въ живущемъ 2 выти съ небольшимъ, и царскаго дохода шло съ нихъ 4 руб. 8 алт. 4 ден. Въ 1617 году монастырь предложилъ казнѣ отписать на царя вышеупомянутыя деревни въ волостяхъ Владыченской и Городецкой, вмѣсто нихъ приписать къ монастырю купленныя имъ для соляныхъ промысловъ 2 деревни въ Пурнемѣ и Лямцѣ (на Онежскомъ берегу) съ 2 руб. 5 алт. царскаго дохода, а взамѣнъ отходившихъ при этомъ отъ монастыря бѣлыхъ деревень, имѣвшихъ 2 выти слишкомъ въ живущемъ, обѣлить соотвѣтствующее количество земли въ другихъ монастырскихъ черныхъ деревняхъ. Казна согласилась, и послѣднія 5 деревень были обѣлены, т. е. вмѣсто 4 руб. 8 алт. 4 ден. царскаго оброка на нихъ положено только 7 алт. 5 ден., и прибавлено условіе: „а крестьянамъ и слугамъ и половникамъ, которые въ тѣхъ

деревняхъ учнутъ жити, съ прочими крестьянами не тянуть.“ *)

Причина, приводившая монастырь къ такимъ мѣрамъ въ своемъ хозяйствѣ, ясна: въ то время, какъ онъ отказывался отъ своихъ „старыхъ“ деревень, удаленныхъ отъ моря, въ которыхъ почти исключительно разрабатывались пашни и сѣнокосы, но на худой землѣ, онъ покупалъ новыя деревни на землѣ, еще менѣе благопріятной для земледѣлія, но за то по своей близости къ морю болѣе удобныя для солянаго промысла, главнаго источника средствъ монастыря. Дѣйствіемъ этой причины объясняется и то, что отказываясь отъ земель внутри Турчасовскаго стана, монастырь старался пріобрѣтать въ томъ же стану окрайныя, приморскія земли, продолжая такимъ образомъ свое движеніе по югозападному берегу Бѣлаго моря, по направленію къ устью Онеги. Мы видѣли, что монастырь остановился здѣсь на волости Унежмѣ. Грамота 1631 года разсказываетъ намъ любопытную исторію пріобрѣтенія имъ и слѣдующей волости по направленію къ Онегѣ, Кушерѣцкой, передавая при этомъ подробности о населеніи этой волости. Соловецкій монастырь встрѣтилъ здѣсь себѣ соперника въ другомъ колонизаторѣ сѣвера, въ монастырѣ Кожеозерскомъ; но экономическое значеніе и средства перваго одержали верхъ. Кожеозерскій монастырь просилъ у царя въ Турчасовскомъ стану волостку Кушерѣцкую *для соляной вари.* По писцовымъ книгамъ 1621 года, въ этой волости написанъ погостъ Успенскій съ церковію, съ 4-мя мѣстами дворовыми на церковной землѣ и съ 4-мя тяглыми деревнями *живущими* да 2-мя *пустыми*, да съ 5-ю пустошами, а въ нихъ 5 дворовъ пустыхъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 10 дворовъ пустыхъ да 8 мѣстъ крестьянскихъ, а денежныхъ доходовъ (казенныхъ) съ живущаго 6 руб. 13 алт. Кожеозерскій монастырь взялъ волостку на оброкъ по 8 руб. на годъ. Но вотъ Соловецкій игуменъ съ братіей бьетъ челомъ о той же волосткѣ, сказывая, что она сошлась смежно съ ихъ монастырскимъ унежемскимъ соля-

*) Сборн. грам. Сол. мон. №№ 114 и 177.

нымъ промысломъ, который скуденъ дровами и сѣнными покосами, и какъ та волостка отойдетъ къ Кожеозерскому монастырю, имъ соляной промыселъ придется покинуть впустѣ, а Кожеозерскій монастырь просилъ ту волостку, чтобы стѣснить ихъ соляной промыселъ, а *крестьяне* Кушерѣцкой волости имъ должны и въ *воинскіе годы прибѣгали къ нимъ въ Сумской острогъ и жили за ихъ монастырской оборонью.* Игуменъ съ братіей просилъ отдать имъ волостку, а оброка брать стараго съ новой наддачей по 9 руб. Царь отдалъ имъ волостку за оброкъ съ наддачей по 9 руб., „опричь новоприбыльныхъ доходовъ послѣ письма писцовыхъ книгъ, стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ и ямскихъ отпусковъ.“ *)

Наконецъ въ 1635 году предоставлены были во владѣніе монастыря 4 пустоши во Владыченской волости съ сѣнными покосами по рѣкѣ Онегѣ и деревня Исаковская со всѣми угодьями; въ 1650 г. это пожалованіе подтверждено новою грамотой. **)

Между тѣмъ какъ монастырь подвигался къ Онегѣ, давно уже онъ перенесъ свое движеніе и за эту рѣку, по направленію къ Двинѣ, держась береговъ Онежскаго и Лѣтняго. Уже съ конца XVI вѣка грамоты начинаютъ упоминать о вотчинахъ монастыря въ Двинскомъ уѣздѣ; начало водворенія его тамъ остается неуказаннымъ въ существующихъ монастырскихъ грамотахъ. Съ 1584 года началось вокругъ монастыря строеніе каменной крѣпости, вызванное опасностями его украйнаго положеніе, и въ 1585 году между деревнями Панпловымъ и Ступинымъ, въ 30 верстахъ отъ Холмогоръ вверхъ по Двинѣ, у Орлеца, извѣстнагомъ подвигами и несчастіями удалыхъ Новгородскихъ ушкуйниковъ XIV в., монастырь выпросилъ „для монастырскаго церковнаго строенія и городоваго дѣла“ 4 версты пустаго мѣста, „гдѣ камень бѣлый известный ломати и лѣсъ на дрова сѣщи и известь жещи.“ ***)

*) Сборн. грам., Сол. мон. № 239.

**) Тамъ же, № 268. Солов. Лѣтоп. стр. 39.

***) Тамъ же, № 47.

Монастырь принесъ въ Двинскій край стремленіе, столько разъ обнаруженное имъ въ Поморскомъ краю, на западѣ отъ Онеги, стремленіе вносить свою дѣятельность въ пустоши, отъ эсплуатаціи которыхъ отказались мѣстные поселенцы и которыя вслѣдствіе этого стали безплодны для казны. Въ концѣ XVI вѣка тамъ у монастыря у моря, на рѣчкѣ Куѣ были соловарни, и отъ той рѣчки по морскому Ницкому берегу подошла къ его соловарнямъ пустая земля верстъ на 5 въ длину. Прежде по тому берегу всякіе люди пріѣзжая кашивали сѣна и рыбу лавливали, *а нынѣ позаросло*,—сказывалъ монастырь въ 1595 году, и въ Двинскихъ писцовыхъ книгахъ кн. В. Звенигородскаго тотъ берегъ не написанъ ни къ которому стану и къ волости не приписанъ, и оброку съ него въ казну нейдетъ ничего, лежитъ въ пустѣ въ порожнихъ земляхъ. По челобитью монастыря ему отданъ былъ этотъ берегъ для рыбной ловли, дровъ и сѣна лошадямъ при соловарняхъ *). Для поддержанія того же солянаго промысла куплены были въ 1616 году на Онежскомъ берегу двѣ деревни въ волостяхъ Лямцѣ и Пурнемѣ у 4-хъ частныхъ владѣльцевъ, которые и остались въ этихъ деревняхъ въ качествѣ половниковъ. Въ грамотѣ 1618 года перечисляются слѣдующіе монастырскіе промыслы и земли по Лѣтнему берегу: въ Ненекоцкомъ Усольѣ обжа безъ получети, мельница и полуварница, на рѣкѣ Куѣ земли и 2 варницы, 2 тони у Голой Кошки, 4 тони на Куйскомъ берегу, обжа въ Лудскомъ Усольѣ, 2 варницы и мельница на рѣкѣ Лудѣ, земли и мельница на рѣкѣ Кехтѣ и другая мельница въ Кехоцкой волости противъ Красной Горы, варница въ Солокурьѣ, Солоозеро и Слободское озеро и наволокъ Слободской рѣки; со всего этого монастырь платилъ въ казну 18 руб. 26 алт. 4½ ден., не считая здѣсь вышеупомянутой пустоши на Ницкомъ берегу **). Въ 1630 г., вынуждаемый недостаткомъ дровъ на своихъ Лудскихъ соловарняхъ, монастырь выпросилъ у царя на оброкъ изъ наддачи рѣчку съ лѣсомъ въ Унской

*) Тамъ же, № 87.

**) Тамъ же, №№ 177 и 184.

губѣ, обязавшись платить вмѣсто прежнихъ 3 алт. 2 ден. по 30 алт. ежегодно; около того же времени онъ купилъ противъ своего Холмогорскаго двора въ Куреской волости 2 черныя деревни, въ которыхъ къ 1634 году успѣлъ поставить дворъ для старца-прикащика, около двора 10 амбаровъ, сарай и дворъ коровій. Наконецъ въ 1636 г. пожалованъ былъ царемъ монастырю Яренгскій погостъ (на Лѣтнемъ берегу) съ церковію, со всѣмъ строеніемъ и съ живущими въ погостѣ оброчными бобыльскими и казачьими людьми, съ ихъ дворами и со всѣми угодьями *).

Заканчивая обзоръ вотчинъ Соловецкаго монастыря, укажемъ еще на одно его пріобрѣтеніе, относящееся уже ко второй половинѣ XVII вѣка. Выше были поименованы земли монастыря по нижнему теченію Двины. Двина имѣла огромное значеніе въ исторіи Соловецкаго монастыря. Она существенно опредѣлила развитіе и направленіе его хозяйственной дѣятельности; отъ нея же много зависѣло и матеріальное существованіе монастыря. Ея теченіе служило для него тѣмъ путемъ, которымъ онъ связывалъ свою Бѣломорскую, украйную промышленность съ промышленностью внутреннихъ областей государства. По Двинѣ ежегодно ходили монастырскіе насады, возившіе въ Вологду и другіе города десятки тысячъ пудовъ соли изъ монастырскихъ варницъ и возвращавшіеся съ огромными хлѣбными и разными другими запасами, необходимыми для многочисленной братіи монастыря и многочисленныхъ слугъ, работавшихъ на его земляхъ. На этомъ-то пути, далеко отъ моря, въ 1680 году монастырь пріобрѣлъ новое перепутье для своихъ судовъ, Красноборскій погостъ. Пріобрѣтеніе это любопытно тѣмъ, что по поводу его мы узнаемъ исторію возникновенія Красноборскаго погоста (нынѣ безъуѣзднаго города Вологодской губерніи), знакомящую насъ съ однимъ моментомъ того долгаго и мало замѣтнаго процесса, который сдѣлалъ изъ пустынь Заволоцкой Чуди обширную русскую область и привлекъ въ нее русское населеніе. При этомъ живо выступаетъ передъ нами и

*) Тамъ же, №№ 232 и 260. Солов. Лѣтоп., стр. 35.

одинъ изъ двигателей этого процесса, крестьянинъ—землевладѣлецъ. На Двинѣ, въ 75 верстахъ отъ Устюга Великаго, на Юрьевѣ наволокѣ, отданъ былъ въ 1620 году на пустомъ черномъ мѣстѣ дикій лѣсъ, четь выти, крестьянину Рудачку Ожегову на льготу и на распашку, съ обязательствомъ платить въ казну оброка 16 алт. 3 ден. Около этой пустоши находились 2 деревни, описываемыя со всѣми типическими особенностями сѣверной деревни XVI или XVII вѣка; это были: дер. Драчевская на Двинѣ, а въ ней бобыль, пашни паханой середней земли 14 чет. въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна на пожняхъ 135 копенъ, лѣса „пашеннаго" 7 десят., а непашеннаго 10 десят., въ живущемъ выть, и дер. Сверчевская на Двинѣ же, а въ ней два двора крестьянскихъ, пашни паханой 12 чет. съ полуосминою, сѣна, „вопче" съ другою деревнею Сверчевскою за Двиною 111 копенъ, лѣса пашеннаго 6 десят., а непашеннаго 10 десят., въ живущемъ выть безъ получетп. Эти деревни отданы были тому же Ожегову въ угодье на сѣнные покосы и на дровосѣкъ. Поселившись на этой землѣ, Рудачко Ожеговъ построилъ въ 1627 г. здѣсь, на Красномъ бору, церковь Спаса нерукотвореннаго образа, и церковныя всякія потребы, иконы и сосуды, книги, ризы и колокола купилъ на свои деньги. До 1632 года въ церкви отправлялось богослуженіе, но потомъ, неизвѣстно вслѣдствіе чего, прекратилось, и церковь 9 лѣтъ стояла пустою. Въ 1641 году начались чудеса и исцѣленія многія отъ иконы въ этой церкви и стали привлекать къ ней жителей изъ окрестныхъ деревень для моленія. *) Вслѣдствіе этого возобновилось въ

*) Эти подробности о Красноборскомъ погостѣ и Спасской церкви взяты изъ Соловецкой грамоты 1680 года (въ 3-й части Опис. Сол. мон., арх. Досиоея, стр. 167—178) и изъ повѣсти о чудотворной Красноборской иконѣ (ркп. Синод. библіотеки № 809, л. 850—889). Въ этой повѣсти, составленной около половины XVII в., читаемъ: „На Красномъ бору, въ Устюжскомъ уѣздѣ, надъ Двиною рѣкою, на усть Пеменжи рѣки, пониже Прокопія праведнаго, совершенъ и освященъ храмъ во имя Бога и Спаса нашего, въ 135 году, и безъ пѣнія стоялъ со 140 году до 149 году." Въ этомъ послѣднемъ году было первое чудо отъ

церкви богослуженіе, при ней явились старосты изъ выборныхъ мірскихъ людей, 2 попа, дьяконъ и 2 дьячка; изъ приношеній образовалась въ церкви „многая казна,“ на которую куплено было всякое церковное строеніе; въ селѣ, при церкви, ежегодно собиралась ярмарка. Между тѣмъ, въ 1643 году Рудачко Ожеговъ уступилъ свою Красноборскую вотчину съ церковью брату своему Степану Ожегову, который на церковныя деньги прикупилъ къ церкви нѣсколько тяглыхъ пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ на содержаніе церковнаго причта. Степанъ Ожеговъ передалъ эту вотчину съ нѣсколькими другими деревнями четверымъ своимъ сыновьямъ. Между тѣмъ крестьяне окрестныхъ волостей неравнодушно смотрѣли на доходную вотчину, образовавшуюся на дикомъ лѣсу трудами крестьянина Рудачка Ожегова, и задумали отнять ее у наслѣдниковъ. Возникшая по этому дѣлу тяжба повела къ тому, что изъ Москвы велѣно было въ 1678 году описать Красноборскія земли вмѣстѣ съ церковію, и вотъ въ какомъ положеніи нашли устюжскіе писцы погостъ, бывшій дикимъ лѣсомъ при поселеніи тамъ Рудачка, 50 лѣтъ назадъ: въ Юрьевѣ наволокѣ Спасскій Красноборскій погостъ на рѣкѣ Двинѣ, а на погостѣ 8 дворовъ бобыльскихъ, да дворъ Соловецкаго монастыря; въ Пермогорской волости деревня Драчевская на рѣкѣ Двинѣ, а въ ней 2 двора половничьихъ Ивашки Ожегова (одного изъ 4-хъ братьевъ), деревня Сверчевская, а въ ней 2 двора половничьихъ Ивашки же Ожегова. Кромѣ того, тамъ же по Двинѣ еще Рудачко образовалъ на пустошахъ двѣ деревни да починокъ съ покосами. Тяжба волостныхъ крестьянъ не удалась, но братья Ожеговы заняли у Соловецкаго монастыря 300 рублей подъ залогъ своей Красноборской вотчины и просрочивъ уплату, отступились въ его пользу отъ этой „старинной“ своей вотчины на Красномъ бору, со всѣмъ церковнымъ строеніемъ и утварью, а также съ

иконы, и „въ то время бысть съѣздъ великій на Красный боръ ко Всемилостивому Спасу отъ многихъ весей и приходовъ, священницы со кресты и со всѣми крылошаны.“

Драчевскою и Сверчевскою деревнями и со прикупными церковными землями.

Мы прослѣдили шагъ за шагомъ постепенное распространеніе вотчинъ Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ впродолженіе двухъ столѣтій, насколько позволяютъ это сдѣлать уцѣлѣвшія Соловецкія грамоты и краткія извѣстія Соловецкаго лѣтописца. На скудную почву этихъ вотчинъ, для разработки средствъ, какія онѣ представляли, монастырь привлекалъ поселенцевъ. Какъ опредѣлены были положеніе и отношенія этихъ поселенцевъ къ своему вотчиннику? Двѣ уставныя грамоты игумена Филиппа (1548 и 1565 г.) указываютъ нѣкоторыя черты того устройства, какое вносилъ монастырь въ свои вотчины; изъ нихъ же узнаемъ и составъ жившаго въ этихъ вотчинахъ населенія. Въ монастырской волости жили монастырскіе старцы, прикащикъ и келарь, которые при помощи доводчика и десятскаго управляли хозяйствомъ волости и судили жившихъ въ ней крестьянъ. Прикащику крестьяне платили съ лука по 4 московск. деньги, келарю по 1, а доводчику по 2: „то имъ поминка съ году на годъ и съ Великимъ днемъ," добавляетъ грамота. Бобыли, „кои живутъ о себѣ дворцами," платили прикащику по 2 деньги, келарю по ½ деньги, доводчику по 2 деньги; тоже и казаки, жившіе въ волостяхъ монастыря. Придетъ въ волость казакъ незнаемый или прежде жившій въ ней, и захочетъ въ волости жить и промышлять,—тотъ человѣкъ, у котораго онъ станетъ жить, долженъ явить его прикащику и доводчику и заплатить за явку 3 деньги первому и 1 второму; а пойдетъ казакъ вонъ изъ волости,— тотъ, у кого онъ жилъ, долженъ *отъявить* его прикащику и доводчику, ничего не платя за это кромѣ развѣ пошлины, которая осталась неуплаченной за прожитое казакомъ время. Сбѣжитъ казакъ безвѣстно, — прикащику допросить того, у кого онъ жилъ, по крестному цѣлованью, и ничего не брать за его, если казакъ сбѣжалъ дѣйствительно безвѣстно. Придетъ казакъ въ волость на недѣлю или болѣе, да пойдетъ прочь, явки за него не брать.—Изъ этихъ опредѣленій видно, какой элементъ населенія въ вотчинахъ монастыря отличался особенной подвижностью. О

бобыляхъ и крестьянахъ нѣтъ въ грамотахъ ни одного такого опредѣленія.—Какіе торговые люди ѣздятъ зимой и лѣтомъ по волостямъ съ виномъ продажнымъ, прикащику тѣхъ людей на подворье не принимать и вина у нихъ не покупать ни прикащику, ни крестьянамъ, ни казакамъ, и своего не курить; за нарушеніе этого взыскивалось на монастырь рубль пени, да на прикащика 20 алтын. и на доводчика 4 гривны. Какіе крестьяне или казаки станутъ зернью играть, на тѣхъ доправить на монастырь полтину, на прикащика 10 алт., на доводчика 2 гривны, а игроковъ выбить изъ волости вонъ. Изъ другихъ распоряженій грамоты узнаемъ, что не всѣ козаки жили на чужихъ дворахъ у крестьянъ; нѣкоторые имѣли свои дворы, держали лошадей и коровъ.— Особенно любопытны распоряженія о солевареніи въ монастырскихъ вотчинахъ: „во всѣхъ нашихъ деревняхъ,— пишетъ игуменъ, — црѣномъ варить зимой и лѣтомъ 160 ночей, а дровъ къ црѣну сѣчь къ зимней и къ лѣтней вари на годъ 600 саженъ, запасать дровъ на одинъ годъ, а впередъ на другіе годы не запасать; а кто станетъ лишнія ночи варить и лишнія дрова сѣчь, на того полагать пеню, а лишнюю соль и дрова брать на монастырь *).

Изъ обзора вотчинъ монастыря мы видѣли, что большая часть ихъ доставалась ему пустыми, нетронутыми и не заселенными. Медленно и трудно, среди суровой обстановки, развивалась на нихъ жизнь, вносимая монастыремъ. Между тѣмъ, съ одной стороны, значеніе монастыря привлекало въ него многочисленную братію, содержаніе которой требовало обширныхъ средствъ; съ другой стороны, на монастырѣ лежала обязанность заботиться о нуждахъ своихъ слугъ и крестьянъ, которые не всегда могли найдти имъ удовлетвореніе на скудной почвѣ; наконецъ, стоя на украйнѣ, онъ долженъ былъ энергически защищать себя и свои вотчины отъ враждебныхъ нападеній съ запада, съ Каянскаго рубежа. Всѣмъ этимъ требованіямъ онъ удовлетворялъ широкимъ развитіемъ хозяйства въ своихъ вотчинахъ. Въ его грамотахъ есть довольно указаній на раз-

---

*) Опис. Сол. мон., ч. 3, грам. на стр. 184 — 194.

мѣры его промышленной дѣятельности. Оставляя подробности, ограничимся немногими цифрами. Въ концѣ XVI вѣка (1584 — 1594) въ монастырѣ было 270 чел. братій *). Въ 1649 году ея было уже 350 чел., да слугъ и работныхъ людей было въ монастырѣ около 600 человѣкъ, не считая здѣсь рабочихъ на соляныхъ варницахъ; въ 1621 году этихъ послѣднихъ было 700 человѣкъ; всѣ они, по выраженію грамоты, пили, ѣли и носили монастырское. Въ 1621 году, въ Соловецкой крѣпости на содержаніи монастыря было 1040 человѣкъ ратныхъ людей, кромѣ бывшихъ въ Сумскомъ острогѣ стрѣльцовъ. Соляной промыселъ былъ главнымъ средствомъ покрытія всѣхъ этихъ расходовъ. Въ грамотахъ монастыря постоянно слышится жалоба, что „монастырь— мѣсто невотчинное, пашенныхъ земель нѣтъ, развѣ что соль продадутъ, тѣмъ и запасъ всякой на монастырь купятъ и тѣмъ питаются.“ Около половины XVI в. монастырь продавалъ въ Вологдѣ и другихъ городахъ 6000 пуд. соли изъ своихъ варницъ; въ половинѣ XVII вѣка онъ продавалъ ея уже 130,000 пуд., платя за это пошлины 658 руб. Кромѣ того за крестьянъ, съ своихъ вотчинъ, рыбныхъ ловель и другихъ угодій онъ платилъ въ казну до 4000 руб. оброка и другихъ царскихъ сборовъ. Въ концѣ XVI в. онъ покупалъ ежегодно на вырученныя за соль деньги до 20 пуд. воска, 8000 четвертей ржи на монастырскій обиходъ братіи, слугъ и крестьянъ, кормившихся отъ монастыря. При этомъ онъ скоплялъ средства, которыми помогалъ государству въ трудныя минуты: въ царствованіе Алексѣя Михайловича, напр., онъ выслалъ въ Москву на жалованье ратнымъ людямъ 41,414 руб. и 200 золотыхъ.

В. Ключевскій.

---

*) По извѣстію, въ сборн. Солов. библ. XVI в., № 860.

Изъ Московскихъ Университетскихъ Извѣстій, № 7-й, 1867 г.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°), на Страстномъ бульварѣ.


2007081071